

Вс. ИВАНОВ

РОДИЛСЯ В ПОСЕЛКЕ СИБИРСКИХ КАЗАКОВ

Всеволод Иванов.
Портрет работы А. КРАВ-
ЧЕНКО. Линогравюра. 1930 г.

Вспоминая о своем муже Вс. Иванове, Т. В. Иванова заметила, что «на первых порах он писал каждый раз новую автобиографию, не похожую на предыдущую, и на вопросы, почему он так поступает, сбивая с толку настоящих и будущих исследователей, отвечал:

«Я же — писатель. Мне скучно повторять одно и то же». К числу таких, до сих пор малоизвестных автобиографий Вс. Иванова, относится и эта, написанная им для «Бюллетеня Всесоюзного общества культурной связи с заграницей» и напечатанная в №№ 28—29 этого бюллетеня за 1927 год.

Для нее характерно то, что, как признавал Вс. Иванов, он, описывая свою жизнь, добавлял детали, расцветчивал их, давая волю вымыслу. Поэтому следует сказать, что упоминаемый здесь эпизод с прокалыванием груди иглами относится к творческой фантазии автора.

Родился в 1895 году в поселке сибирских казаков Лебяжье Семипалатинской области. Отец казан, сельский учитель. Учился в сельской школе, а затем убежал из дому с цирком. В цирке вначале учился работам на турниках, но искусства этого преодолеть не мог: мешала сломанная в детстве рука. Покинув цирк, поступил в типографию учеником, наборщиком. В типографии, с перерывами для работы в цирках, служил наборщиком семь лет, затем окончательно покинул эту службу и поступил в цирк, затем в кафешантан.

В цирке китаец Синь-Бинь-У научил меня искусству факира, на афишах я именовался так: факир и дервиш Бен-Али-Бей. Я прокалывал грудь огромными иглами, вешал на них гири, плотал шпаги и огонь. Ремесло это было утомительное и небезопасное, и я покинул его, пробыв в звании факира около двух лет. Я стал писать стихи, куплеты на злобу дня и выступал с этими куплетами в бродячих цирках. Меня пригласили в шантан на амплу «автора-куплетиста», это было в Екатеринбурге, вскоре перед мировой войной. Куплетистом я был неудачным, в шантане я успеха не имел — я вернулся в типографию.

Друзья советовали мне писать прозу, говоря, что я видел и встречал многое и о многом могу написать. Я попробовал написать в газету — меня напечатали. Я послал свои работы М. Горькому — Горький меня одобрил и советовал учиться. Учиться я не умел, а учиться стать писателем — самое трудное.

Я мучился, читал бессмысленно много, бессистемно — меня выручила революция. Я решил, что писателя из меня не выйдет, что у меня мало прилежания и много гонору, и я стал провинциальным, уездным психитиком. Я говорил речи, разоружал солдат, заведовал милицией — преступники бежали из арестантских домов, которыми я заведовал, конференции, на которых я присутствовал, были бесполезны для общества и революции, но я верил в себя, говорил речи и носил оружие.

При наступлении чехов на Омск я был в Красной гвардии, защищал пороховые склады и присутствовал на сражениях. Было пыльно, жарко, люди умирали героически. Степь неподвижная и розовая от солнца лежала перед нами. И нам пришлось бежать. Я считался по Сибири весь период колчаковщины. Я видел и прибой

Тихого океана, встреченный партизанами, и монгольские степи... В горе Шара-Хадату, в гротах у изображений Будды я видел трупы расстрелянных, высохшие, с судорожно зажатыми гранатами в руках. Каменные расщелины гротов украшены неподражаемой для резьбы и живописи ажурной работой. В глубине гротов пещеры, дно которых из камня подобно чистейшему лаку, а потолок и стены белизной уподобляются нефриту.

Я приехал в Петроград в 1921 г. Тогда же я написал повесть «Партизаны». Мною написано три тома повестей, два тома рассказов, роман «Васюха Запущ» («Голубые пески»), пьеса «Бронепоезд», идущая к 10-летию Советской власти в Московском Художественном театре. Собрание моих сочинений выходит в Государственном издательстве в семи томах.

Публикация
С. КРАСИЛЬЩИКА